

ПОРТЯНКИ
41 - 45 годов

Тем, кто приближал святую
Победу, кто выжил.
В память павших...

Константину Григорьеву
на добрую память о школе.

21.06.2002.г.

Директор: *Александр*
К.Ф.Рук.: *Рос*

«ЦЕНТР»

частная гимназия Анны Моховой

Высказываем искреннюю благодарность
госпоже **Моховой Анне Юрьевне,**
госпоже **Тиханенок Антонине Петровне,**
оказавших помощь в издании этой книги.

ПОРТЯНКИ

41-45 годов

Главный редактор и автор проекта
Академик **Валентин Штейнберг**

“Budiņa”

Рига-2002

Редактор и корректор
Ирина Гладких
Обложка и оформление
Ю.Тиханенок
В.Штейнберг

Printed in Latvija © Ю.Тиханенок, Д.Шевцова,
Р.Ясько, К.Пучкова.
Портянки 41-45 годов. 2002.
© Ю.Тиханенок, В.Штейнберг
Оформление. 2002.

Лицензия №2-10-42

Здравствуй, век ХХІ! (вместо предисловия)

Таких книг, как эта, встретишь не часто. Прежде всего — ее авторы, предложившие свои нехитрые рассказы, которые они слышали от своих старших — бабушек и дедушек, прошедших ту страшную войну, которая сожгла миллионы жизней: в огненных боях, в неумолимых законах тыла, в гитлеровских лагерях смерти...

Записали эти рассказы ученики выпускного 12-класса частной гимназии «Центр». Спасибо им!

И теперь мы имеем яркое свидетельство того, как поколение, ныне входящее в жизнь, представляет собою историю народа, совершившего величайшие подвиги XX столетия (а, может быть, и не только ХХІ)... За этими представлениями — люди, которых стали понимать, что у них есть великое прошлое, а, значит, и дорога в будущее. Они — не без племени, не без рода!

Хотя нынешние пожилые люди нередко покачивают головами, глядя на молодых людей, но правыми, скорее всего, остаются те, кто вдохновляется миром молодых. В данной книжечке каждый ее рассказ дышит чувством уважения и любви «к нашим бабушкам и дедушкам», проживших свою несчастную жизнь. Фашизм был повержен, право быть свободными они отстаивали.

Добавлю от себя. Не первый год соприкасаюсь с уже выросшими старшеклассниками (веду с ними курсы философии и истории) и не понаслышке знаю, о чем говорят молодые, какие анекдоты у них в ходу, и как молодых людей беспокоит их ближайшие перспективы (да, да их реальные перспективы!). Работы, любви и семьи. Думаю, что они справятся с так неожиданно усложнившейся жизнью, не сломаются. Они лучше приспособлены к новым социальным условиям, лучше, чем многие взрослые. Внимательный читатель почувствует сказанное не только в самом тексте книги, но и между ее строк.

Возможно, на втором плане книги остались сами свидетельства живых людей о том, как они пережили вторую мировую войну, какие чувства обрели из ее славной победы. И определенно — не будь энергии наших молодых коллег, вряд ли приведенные свидетельства сохранились бы. Теперь они, через печатное слово, приобретают статус документа. И можно ли после этого говорить, что это де второй план книги?

А теперь и обратимся к самой этой скромной книжце.

июнь 2002

Валентин Штейнберг

МОИ ГЕРОИ

Никогда никакие слова не смогут выразить ту боль, ужас и страх, которые пережили люди, чья жизнь была искалечена войной. Их всех можно назвать героями. Эти три слова: «боль, ужас и страх» лишь доля пережитого и увиденного ими. Но время жестоко, да и общество тоже. Те, кого следовало бы величать героями, сейчас едва существуют: перебиваются от пенсии до пенсии, большую часть которой отдают за квартиру, оставшегося в основном хватает только на хлеб. Политики (правительства) хотели войны, но не хотят достойно принять ее героев. Они загубили миллионы жизней, но честь и слава вернувшимся с войны была оказана не достаточно.

Так считаю я...

У этих людей есть что-то необычное: их глаза. Мне иногда кажется, что такие глаза у тех, кто перенес все удары судьбы. Пусть почти все герои сейчас уже, возможно, стали физически слабы, но у них за спиной жизнь, которой можно гордиться, и глаза: добрые, мудрые, красивые глаза. У нас есть, кого помнить и у кого учиться храбрости, мужеству и добру.

...Город Зилупе, деревня Свилево — место, где будут происходить бурные для жителей этого села события, связанные с началом войны. Честно говоря, если бы здесь не проходила дорога, соединяющая Ригу и Москву, и деревня эта не находилась бы в 50 километрах от российской границы, то звук машин здесь никогда не был бы слышен. Хотя и звук этот иногда лишь нарушал обычную романтическую, приятную и легкую тишину, которую сопровождала красивая мелодия из стрекочущих кузнечиков, жужжащих пчел, шелеста листьев и трав. Как и все деревни, эта имела свою особенную жизнь — свои правила, законы, даже новости. Новости эти касались, в основном, кого-нибудь из жителей деревни, и чаще всего являлись просто слухами. Как и во всех деревнях, отдаленных от столицы, новости «привозились» редко. Газеты почти не приходили (только случайно), но люди обходились, довольствуясь лишь своими — «местными» новостями...

Так я хотела бы начать свой рассказ о жизни одной семьи. На мой взгляд, жизнь этой семьи стоит того, чтобы о ней писать, а все члены этой семьи достойны звания героев...

Жила в селе Свилево в тихом и красивом месте возле лесочка под названием Гривка (названного так за схожесть с лошадиной гривой) семья...

Семья была необыкновенна и красива. Возможно, со мной в этом могут не согласиться, но я считаю, что если в основе семьи лежит любовь, то такая семья должна быть красивой.

История начиналась вот как...

Петр Михайлович (на тот момент еще только Петька) считался красивейшим парнем соседней деревни. Его красота не ограничивалась внешностью: он также был умен, интересовался практически всем, комната была полна книг. Девушки сходили по нему с ума. В один теплый июньский вечер устраивались танцы. На них пришли две молодые девушки из Свилево, которые заставляли обращать на себя внимание, хотя бы потому, что на все Свилево их было только две. Одна же из них прославилась необычной красотой. Смешение польской и русской кровей делало ее привлекательнее и загадочнее. Гордость этой девушки, Ефросинии, оставила в сердце Петра неизгладимый отпечаток. Любовь, по-моему, должна быть с первого

взгляда, поэтому она и считается самой большой тайной жизни. Она не терпит планов и времени. Она заставляет человека не думать, а чувствовать. Петр влюбился. И в тот же вечер, после танцев, проведенных с этой девушкой, он схватил ее своими крепкими руками, посадил на коня и увез к себе.

Они поженились. Поселились в домике, в том самом месте, о котором, говорится вначале. У них родилось трое детей: Раиса (старшая дочь), Зинаида и Вячеслав (самый младший). Жили с ними и родители Петра Михайловича — Тиханенок Михаил Антонович с женой. Родители Ефросинии Федоровны (Дзервенков Федор Дорофеевич и Марфа — его жена) к этому моменту скончались.

Они жили той жизнью, которой я могу лишь завидовать, находясь под давлением навязанных ныне людям материальных проблем и часто мнимых целей. Той жизнью, которой мы разучились жить — и вместе с этим разучились быть счастливыми. Жизнью, где человек — часть природы, а природа — часть человека.

Дети росли, хозяйство разрасталось, и дни проходили в приятных хлопотах.

Никогда и ничто не смогло бы помешать этим людям оставаться счастливыми. Если бы не война...

Тревожные слухи начали расползаться по деревне — начинается война. Настроение становилось мрачным. «Война» — это слово невольно заставляло содрогаться всех, слишком уж много кошмара и ужаса таится в нем. Прошло немного времени, и жители деревни начали замечать странные события, от которых становилось жутко: по направлению к России с каждым днем продвигалось все больше и больше машин, телег, тянулись вереницы подвод. Слухи подтвердились — люди бежали.

Я не могу описать чувства, которые испытывает мать, смотря на трех своих прелестных детишек, и понимая, что им придется пережить войну. Ефросиния, собирая и укладывая вещи, заглядывала в маленькие, но широко смотрящие на мир наивные глаза трех своих малышек. Слезы наворачивались, когда она представляла, что им придется ощущать это ужасное чувство близости смерти, что они увидят жестокость и кровь. Они — эти маленькие ангелочки, которым, казалось бы, Бог наказал улыбаться всю жизнь...

Вещи были уложены на телегу, семья двинулась в путь. Оставляли большую часть вещей на произвол судьбы, но брали с собой скот. В деревне та же корова является не просто животным, а кормилицей семьи. Оставить ее на съедение или на гибель было бы преступлением.

Телеги, обозы, легковые машины тянулись сплошной линией по направлению к Москве. В противоположном направлении тянулась цепь военных машин и отряды солдат. Они шли в Латвию.

Духота, пыль и паника, — все отражалось в испуганных глазах людей, снявшихся с места.

Малыши однако не сильно тяготились этой поездкой. Она им даже казалась приключением. Вдоль дороги стояли сотни брошенных домов, поля, где уже созревал урожай.

Добрались до Великих Лук; стало понятно, что дальше идти нет смысла. Начали говорить, что уже можно и возвращаться. Люди, не знаящие что на самом деле происходит, доверяли своей интуиции. Поэтому так и получилось, что половина беженцев вернулась, а половина осталась в Великих Луках.

Петр решил, что лучше вернуться. Спустя два месяца переездов, семья вновь оказалась у себя дома. Казалось, ничего не изменилось. Наступала осень. Золотистая рожь украшала поля, нужно было собирать урожай. Из поля ржи вернулась довольная курица с одиннадцатью цыплятами, которых она высидела, пока пустовал дом. Она, казалось, была очень горда своим героизмом и самостоятельностью.

Петр, как и большинство русских отцов, был патриотом. Нельзя было не любить те земли, где ты прожил жизнь и нашел счастье.

Но в жизнь людей вторглась новая власть — немцы! Они провозгласили себя хозяевами, предложили людям свое «великодушное покровительство». Предупредили, что любое содействие русской армии будет жестоко наказано, особенно жестоко — укрытие русских солдат.

Петр все же тайно помогал скрывшимся от плена русским солдатам: посылал им продукты. Иногда русские лазутчики укрывались у него дома. Появилось слово «партизаны». Однако были люди, которые любой ценой хотели добиться расположения новой

власти. Даже ценой предательства. Видимо сосед Петра — Юревич был именно таким человеком. Жил он возле главной дороги в доме с мельницей. Он знал, что Петр был за советскую власть, что организовывал также антинемецкие демонстрации. Сам же он очень старался добиться расположения немцев. Всячески содействовал немцам, входил в доверие. Немцы же появлялись только на больших дорогах, стараясь не отходить от них, и держались группами. Иначе их поджидала большая опасность. По одиночке русские мужики немцев легко уничтожали. Немцам в это время такие люди, как Юревич, были очень нужны. Из них выбирались старосты. Очевидно, Юревич тоже хотел стать таким старостой, хотя это — мои догадки. Но я не могу объяснить, чем еще был вызван его поступок, когда он доложил немецким властям, что Петр Тиханенок всячески содействует советской власти и ее людям. Юревич знал, что должно последовать за этим. Петра должны будут расстрелять или отправить в концлагерь. Петр был взволнован и предчувствовал недоброе. Возможно, поэтому он довольно мужественно воспринял это известие. За ним приехали военные: немец и латыш.

Петр посадил на колени своих детей: Рае было тогда 6, Зине — 5, а Вячеслав — так еще совсем маленький. Они не понимали, что происходит, и нежно к нему прижимались. Петр заплакал, Фрося громко всхлипывала. Дерзко, грубо латыш заявил, что у них мало времени и надо идти. Немец, видно, был другим человеком. Молчал. В его глазах стояли слезы. Может быть, и он распрощался со своей любимой семьей и боялся, что ее больше никогда не увидит. Дети начали плакать и цепляться за отца. Петр развернулся и пошел к повозке.

Латыш вышел из дома с гордо поднятой головой, как будто получал удовольствие от всего происходящего.

Ехали в Бриги. Петр знал, что едет по этим местам в последний раз. Перед ожидаемой смертью столько мыслей посетило его, столько воспоминаний нахлынуло! Он чувствовал аромат осенней ночи, когда пахнут особенно резко душистые поля, которые к концу лета, казалось, со всей силой отдавали свою последнюю прелесть. Петр в последний раз жадно запоминал все, что он чувствовал, видел. Ужас. Тоска. Чем он мог все это заслужить? Чем вообще человек может заслужить столько страданий и боли?

В Бриги Петр встретил своего соседа и друга — Павлю. Тот был тоже обречен. Фрося долго прощалась с мужем, не в силах уйти. Он же громко сказал ей, чтобы она уходила. «Прощай, прости за все, люблю тебя...», — на этих словах его голос дрогнул. Его ввели в дом. Там собрались многие немецкие и латышские «верхушки». О чем-то долго и оживленно говорили, спорили, поглядывая на Петра и Павлю. Петр следил за глазами этих людей. Только в одних он видел участие — в глазах того немца, который конвоировал его сюда. Было видно, что немец разделял его горе, что он не поддался влиянию войны и не стал жестоким.

«Выйдите, посмотрите лошадей», — тихо сказал он, когда все остальные «судьи» оживленно спорили.

На лице Петра и Павли мелькнула еле заметная и сразу же спрятанная улыбка благодарности. Они вышли на улицу.

И побежали.

Бежали в разные стороны. Судьба улыбнулась Петру.

Устроили облаву, но Петра не нашли, хотя примерно в десяти шагах от тех кустов, где

он прятался, прошли немцы. Как оказалось позже — Павлю догнали, долго и жестоко пытали. Кто не знает жестокость и чудовищность, с которыми проводились пытки!

Петра так и не обнаружили. Он, конечно, не стал возвращаться к своей семье, где его уже ждали бы немцы. Он выбрал другой путь. Путь, к которому лежало сердце — он ушел в партизаны.

Много слез было пролито, много бессонных ночей было проведено в воспоминаниях о Петре. Дети постоянно спрашивали: «Где папа?», — а Фрося не могла отвечать без слез. Ее сердце было поранено глубоко; она начала скрывать эту боль под внешней суровостью. Детям стало еще больше не хватать тепла и ласки.

Пришли немцы и потребовали рассказать, где находится Петр. Фрося заплакала от счастья, упала на колени и долго благодарила пришедших за счастливую новость. Значит, Петр жив, раз его ищут! Долго ругали Фросю, угрожали, пугали. Решили постоянно дежурить около дома и разыскать «этого мерзавца». Фрося молила о встрече с Петром, хотела убедиться, что он жив, но и боялась за него.

Неожиданно, Петр навел на семью: со своим партизанским отрядом, в белых масках, он ночью постучался в окно. Испуганное лицо Фроси засияло от счастья. Петр зашел в дом, усадил Вячеслава, Зину и Раю на колени, обнял их, и рыдал. Рыдал, как, наверное, никто из нас в жизни. Дети прижимались к отцу, дотрагивались до его плеч, чтобы убедиться, что все происходящее — не сон. Задерживаться Петр не мог. Он вскоре ушел продолжать свою боевую службу.

После третьего визита Петра домой, немцы вот-вот могли бы его застать, но опоздали минут на десять.

Немцы стали наведываться чаще. Но Петр все равно находил время, когда их не было, чтобы прийти домой, поцеловать родителей и жену, посадить детишек на колени. Он рисковал жизнью ради этих минут, которые для них были теперь самыми дорогими на свете.

Фрося, на свой страх и риск, стала посылать повозки еды в партизанский отряд Петра. Это и послужило причиной события, страшнее которого я бы не смогла ничего представить.

Фрося проводила очередную повозку с едой и возвращалась домой, где ее уже ждали немцы. У них были догадки, что она имеет связь со своим мужем. «Где он?» — как гром раздался голос огромного страшного немца с акцентом и с блестящими, злобными черными глазами. Фрося отвечала, что ничего не знает, что посылала еду брату в Клеши. Тут же курьер с еще одним офицером-немцем вскочили на лошадей и поехали проверять. Обман был сразу же раскрыт.

Над деревней происходили воздушные бои. Фрося с дедом и бабушкой, с детьми прятались в гротах и ущельях возле реки, куда не попадали бомбы. Иногда целые ночи проводили на сырой земле, с дрожащими от холода и страха руками, и искаженными от ужаса лицами, — бомбы взрывались совсем близко. Артиллерия с треском разрывала горизонт, небо становилось кроваво-красным. Дети мало понимали происходящее. Но они чувствовали весь ужас происходящего.

Война пожинала свои жертвы. Человеческая жизнь была ничем в руках высокопоставленных военных. Видя, как погибают друзья, близкие, родственники, все больше и

больше противники озлоблялись друг против друга. Злоба перерастала в бессердечность, люди становились убийцами. Но таковы были правила той жизни...

Ефросиния Тиханенок с детьми: Раисой (6 лет), Зинаидой (5 лет) и Вячеславом (2 года) — были приговорены к концлагерю.

На станцию Зилупе прибыл длинный поезд. Он страшно выделялся из деревенского пейзажа: темные, грязные товарные вагоны. Станный гул и протяжные крики людей доносились из этих смертельных вагонов. Там были заперты сотни людей. В вагонах не было ни воды, ни туалета, ни сидений, — двери даже не открывали. Лишь иногда, когда запускали новопривывших арестантов. Тогда многие люди тянулись на свет — вдохнуть свежего воздуха.

На телеге ехал дед Михаил, Фрося, дети и два сопровождающих немца. Везли ... на станцию Зилупе.

К тому страшному поезду, где только по дороге в Саласпилс в концлагерь погибнет больше сотни людей.

Дедушка готов был повеситься. В сарае для сена он через балку протянул веревку с петлей. В сарай ворвалась бабушка. Она

упала на колени, и из ее губ лишь иногда вырывались слова: «Живи... умоляю... живи». У нее тряслась голова, лицо исказилось от страха. Дед Михаил горько заплакал, обнял свою жену, с которой делил все радости и несчастья в жизни, поцеловал ее. Оба дрожали от ужаса. Но в этот момент в их сердцах возродилась любовь, как случается, когда понимаешь, что можешь потерять любимого человека. Дед пообещал, что со станции вернется домой.

Сейчас дед сидел на повозке и держал поводья, но руки его тряслись. По его морщинистому лицу, переливаясь на солнце, скатывались слезинки. Все молчали. Молчали даже сопровождавшие немцы. Один — постарше, с густыми усами и детским взглядом, второй — совсем молодой, белокурый. Усатый немец вынул из кармана три конфеты и протянул их детям. Фрося отвернулась и заплакала.

Подъехали к вокзалу. Пять вооруженных немцев подвели Фросю с детьми к начальнику, который их отметил в списке. Потом их затолкнули в вагон. В нос ударила ужасная вонь, летали сотни мух, люди кашляли и чихали от удушья. Две женщины, увидев

детей, освободили Фросе место около маленького окошка с решеткой в углу. Она посадила детей на клочок соломы и прильнула к окну: там стоял дед и плакал.

Пока состав с несчастными еще не ушел, дед поспешил в деревню к местному священнику Владимиру Антипову. Упал ему в ноги и молил о помощи. Просил, чтобы Отец Владимир помог спасти его маленьких внучат. Священник поднял деда на ноги, сказал, чтобы дед держался, и что он постарается сделать все, что сможет. Пошли к немцам на станцию. Отец Владимир отвел в сторону немецкого командира. Говорили очень долго. Священник просил, убеждал, умолял и даже плакал. Немец, в конце концов, согласился отпустить двух младших — Зину и Вячеслава. Дедушка забрал детишек. Рая тоже бросилась из поезда, но перед ней захлопнули двери вагона.

Поезд с Раей и Фросей отправился в Саласпилс.

С тех пор бабушка, как могла, заменяла детям маму, а дедушка — отца. Но часто были слышны детские всхлипывания, а иногда и рыдания, — дети скучали по родителям.

Прошло больше месяца, прежде чем этот товарный поезд, в котором раньше возили скот, а теперь везли тысячи людей (в том числе и беременных женщин, которые рожали прямо в поезде, грудных детей), дошел до Саласпилса. От заразных болезней (в поезде разразилась эпидемия) за этот месяц умерло больше сотни людей. Но вот наступил момент, когда, после месячного заключения, вагон открылся.

Детей с родителями поселили в большом доме на тщательно охраняемой территории. Спали на трехъярусных кроватях. Рая и Фрося — во втором ярусе.

Фросю с остальными взрослыми каждый день отправляли на работы. Работали целыми днями без отдыха, а если кто-то работу не выполнял — его избивали и опять гнали работать. Первый месяц в аэропорту устилали дерном, позже — ремонтировали железную дорогу. Кормили лошадиными копытами с червями, сваренными в воде. Только дети получали «детское питание» — солодуху (мука, варенная в воде). Комнаты были очень грязные. Раз в неделю заключенных голыми гнали в бани. Многие умирали или «пропадали» после какой-либо провинности.

Фрося и сама начала сильно слабеть, «таяла на глазах».

Раиса, подружившись с остальными детьми, живущими в концлагере, стали тайно подкапывать землю. Хотели убежать, но это были лишь мечты — с вышек контролировали территорию. Убежать было не по силам.

Детям начали выдавать бирки с номерами. Если ребенку вешали такую бирку на шею, то это означало, что завтра его посадят в автобус с остальными детьми и увезут. Куда и зачем — этого не знал никто. Несколько матерей, которые были уверены, что детей везут убивать, бросались под эти автобусы, но автобусы не останавливались.

Раиса одна из последних получила такую бирку. Ее рано утром забрали у матери и посадили в автобус. Фрося всю ночь зашивала Рае адрес в пальтишко, чтобы она могла писать домой, если будет жива.

Раю привезли в детский приют в Саулкрасты. Там детей разместили в большом деревянном доме по шесть человек в комнате. Было чисто, всюду бегали няни. Всех детей позже крестили. Даже тех, кто уже был крещен. Детей немцы заставляли работать, но работа не была очень тяжелой:

собирали разные ягоды, шишки на топливо. Возможно, все было бы хорошо, если бы было достаточно еды. А ее было очень мало. Дети сильно голодали. Они бегали вдоль моря и ели выброшенную на берег дохлую салаку, если же видели прохожего, кланчили у него что-нибудь поесть. Везло только тому, кто добежит первым. Прохожие, кто бы они ни были — латыши, местные русские — всегда кое-что давали.

Рае за полтора года, проведенных здесь удалось послать домой несколько писем. Как-то бабушка с дедом прислали ей мешочек сухарей из черного хлеба. Сейчас сложно представить, сколько им потребовалось усилий, чтобы собрать и передать этот мешочек сухарей. Рая угостила своих друзей, сама съела сколько пришлось. Спрятала мешок под подушку. Но на утро его уже украли... Так здесь было со всем: голодные дети находили и видели все даже тогда, когда кто-то из них закапывал кусок хлеба в землю, оставляя «запас» на завтра.

Больных детей, которые сильно заболели (чаще всего чахоткой), не лечили. Их бросали на стеклянную веранду умирать...

Фрося все еще пребывала в Саласпилсе. Она понимала, что скоро умрет — силы ее оставляли.

Как-то всех женщин собрали на улице. Из машины вышла седая, очень важная немка. Она громким и строгим голосом начала говорить. Офицер переводил ее слова. Ей нужны были двадцать женщин для работы в столовой в Риге. После этих слов многие бросились немке в ноги. Фрося стояла, гордо подняв голову, хотя ее трясло и сильно хотелось плакать. Да, она понимала, что это была единственная возможность выжить. Немка оценивающим взглядом обвела всех. Подняла руку и пальцем указала на Фросю: «Ты, в машину», — перевел офицер. У Фроси затуманились глаза, она плохо разбирала дорогу.

Отобранных привезли в Ригу. Харчевня была очень большой. На кухне стояли огромные котлы, в них варили пищу. Фрося всегда очень хорошо готовила. Было не легко, но уже через полгода работы ее назначили главной кухаркой. Жилось намного лучше. Была и нормальная еда и ночлег. Но опять произошло несчастье: Фрося перевернула один из огромных котлов себе на ноги.

Получила страшные ожоги. Ее срочно отправили в больницу. Сколько она пролежала в больнице, плохо помнила — все слилось в боль, пока заживали ноги, и в серость, нищету больничного существования.

Прошло еще немало времени, прежде чем Фрося поправилась.

Вскоре она вернулась на работу в Ригу. Написала письмо в деревню. Дед, бабушка, Зина и Витюшка были без ума от счастья, узнав, что она жива. Ведь прошло столько времени! Даже дети все реже и реже в последнее время произносили слово «мама». Дед написал Фросе все, что знал про сына (Петра). К концу войны дед получил телеграмму: «Петр Тиханенок, служивший в Латышском Стрелковом полку, в Салдусском районе, был тяжело ранен и госпитализирован. В январе 1945 года он скончался от ран».

Бабушка пишет письмо в Ригу тете Нюре. Она просит ее съездить в концлагерь и, если сможет, найти Раю. Ее нашли. Нашли, брошенной на той холодной и грязной веранде, куда бросали умирать. Она лежала в углу, на одеяле, почти не двигаясь, и совсем не могла стоять на ногах. Тетя Нюра с мужем

Колей привезли Рае сумку еды. Первый раз за последние полтора года Рая видела столько пищи. Она ела, не успевая прожевывать, ела без остановки. Глаза бедного ребенка с удивлением смотрели на тетю Нюру, которая сидела и плакала. Оформив все документы, через две недели Раю забрали из приюта. Фрося с Раей поселились в квартире у тети Нюры. Раю вылечили. В сентябре она пошла в рижскую школу в первый класс (ныне 10-я средняя школа).

Этимися словами моя бабушка — Зинаида Тиханенок заканчивает свой рассказ. Ни она, ни ее сестра Раиса (моя двоюродная бабушка и крестная мать), ни ее брат Вячеслав никогда не рассказывали про те несчастья и боль, которую принесла им война. Этот рассказ я слышала впервые и решила по нему написать эту «повесть», а правильное сказать — быть.

Я написала это для того, чтобы сказать всем то, что в силу своей скромности не говорят мои близкие люди. Они никогда не простят войну — за Петра, жизнь которого не вернуть, за загубленные жизни их близких, за жестокие смерти тысяч, миллионов

солдат, за ужасы концлагерей, за детство, которое у них безжалостно отобрали... Эти скромные люди для меня — герои. Герои, имена которых нельзя забывать. Герои, которым государство должно быть бесконечно благодарно за то, что они страдали из-за ошибок правителей, преступлений. Но и мы виноваты отчасти в этом: если бы помнили всегда, что наши бабушки и дедушки — герои, если бы помнили о тех ужасах и страданиях, которые им пришлось пережить, то в мире все было бы спокойно, никто бы не хотел войны. Наши родные сейчас бы достойно проживали свои жизни.

Простите нас, наши любимые и глубоко уважаемые Герои.

*Моей бабушке Зинаиде сейчас 66 лет,
Раисе — 67, Вячеславу — 62.*

*Моя прабабушка Ефросиния умерла
в 1987 году.*

*Прадедушка Петр — в 1945 году погиб
на войне.*

Этот рассказ посвящается им...

ЕЕ ГЛАЗАМИ...

Я увидела войну, когда мне было семь лет. Отцу тогда было тридцать. Он в первую же неделю войны ушел на фронт. Нас дома осталось четверо: мама, я и два моих брата. Тогда мы жили в Псковской области. Был дом, скот, пасека. Красивая река — Великая.

Как бы вдруг в сорок втором году появились немцы. Все перевернулось в одночасье... Дом немцы сожгли, скот забрали, улья залили водой из колодца; мед тоже увезли.

Мы остались в чистом поле. Папа, братья и я. Как жить?

В лесу стали копать землянку. На землю клали бревна, из более мелких ставили стенки, потолок приспособляли из веток. Лес начал нас обогревать. Мама затаилась — ей тогда было только 26 — пряталась, не зная, что может ещё случиться. Немецкий гарнизон стоял недалеко от нашей новой «избы», в деревне Жуково. Я слышала много рассказов об издевательствах немцев над простыми людьми. Рядом с нами поселились прежние по сожженной деревне соседи, и мы помогали друг другу как могли. Есть-то было нечего: грибы, ягоды, гнилая картошка, всякая

травы, годная в пищу. Вода — из той же реки Великой. Старые колодцы — наш был построен моим дедом — немцы забросали всяким хламом и вдобавок бросили туда нашу собачку Шарика, охранявшего дом, которого теперь не было.

Я мечтала о белом хлебе. Хотелось с маслом. Мне казалось, что если я наемся таким образом и вдоволь, то стану самой богатой и счастливой. Наивные мечтания! Война сметала их начисто. Наяву были пустота, вши, чирьи — я постоянно болела.

Школа тоже была сожжена, и всю войну мне не пришлось учиться. Делала, что могла, в нашей землянке, помогала маме. А вскоре пришла к нам новая беда — мы получили печальное известие: погиб наш отец. В концлагере. Как он там очутился, мы не знали.

Беды наши не кончились и на этом.

К концу войны немцы всех, кого могли схватить, особенно молодых, хватали и отправляли в Германию на работы. Мы не смогли этого избежать. Нас и наших соседей по землянке погрузили в товарные вагоны. И мы не питали никаких надежд, понимали — везут на немецкую каторгу. (Об этом сейчас многие забыли, в Латвии больше говорят о высылке на Восток после войны).

Кое-кому из эшелонов на Германию удавалось бежать. Сбежали и мы под “руководством” нашей мамы.

И очутились мы в Прибалтике. Тогда мне уже было примерно 10 лет.

Но в Прибалтике нас тоже не ожидали. В Латвии еще раньше оказался мамин брат Михаил (род. в 1905 г.). Мама его нашла, и он нам помог найти крышу над головой.

Так мы и остались в Латвии.

Умерли два моих брата, которые были моложе меня. Умерла мама, по мере сил заботившаяся о нас в те страшные и мрачные дни войны. Умер позже и мой муж, который участвовал в борьбе против фашизма.

Трудные годы жизни, убитые и страдающие люди навсегда остались в моей памяти. Стон и плач русской земли и людей латвийской земли никогда не покинут мое сознание, чувства мои! Никогда...

И ещё:

“22 июня, в 4 часа ночи бомбили Киев: нам объявили, что началась война. Эти слова я услышала, когда мне было 7 лет...”

Об этом поведала мне, Диане Шевцовой, моя бабушка, Валентина Шевцова, которой сейчас 68.

Я тебя люблю, бабушка Валентина!

ДИТЯ ХОЛОКОСТА

(Лора Медведкина)

Профессор Валентин Штейнберг — известный латвийский философ, историк, написавший немало книг.

Я имел честь быть одним из его учеников в своей гимназии, и за время его педагогической деятельности в нашем заведении я понял, насколько важно знать историю, я стал по-другому воспринимать ее ценности, научился уважать героическое прошлое моего народа, а также профессор открыл мне дверь в мир философии.

То, что будет описываться ниже, происходило в его жизни. Сам же я, к сожалению, как ни старался — не мог найти непосредственного участника или очевидца Великой Отечественной. Но я с радостью согласился записать случай из жизни семьи профессора в это ужасное время...

У Валентина только брат — Арвид. Но при драматических событиях войны у него появилась сестренка. Ее звали Лора (Лариса) Медведкина.

Семья философа до войны жила на юге Украинской ССР, — в 60 км от Одессы (где в это время жило немало евреев), — рядом с железнодорожной станцией Сербка.

Семья Лоры до войны жила в той самой Одессе. Тогда Лоре было всего два года.

Летом 1941 года фашистская машина работала против СССР. Немецкая армия группы «Юг» стремительно наступала по всей территории Украины. На Одессу были брошены крупные соединения врага. По пути они уничтожали всякое сопротивление и многие города пали под мощными ударами нацистов.

Осенью того же года Одесса, где в это время жила семья Лоры, была блокирована. Гитлеровское командование уже «решало» «еврейский вопрос» в этом регионе и вскоре, после захвата города фашистами, еврейское население стало вывозиться. Они целыми эшелонами прибывали на ту самую станцию, где жили мать Валентина, Юлия Петровна, и его отчим, Макар Емельянович.

Евреям сказали, что здесь они на время разместятся и что они здесь будут обеспечиваться всем самым необходимым. Насилия над ними вроде бы никакого не производилось.

Еврейские дети, женщины, мужчины и старики сопровождались офицерами немецкой армии.

Далее, с сопровождением, несчастные люди должны были пешком дойти до села Балайчук. До него было 5-7 км. Дни были холодные, подступала суровая зима.

Шедшие в село и не подозревали, что с ними в дальнейшем будет. Создавалось впечатление у них, что гитлеровское командование заботится о таких военнопленных. Немцы пошли на хитрость, дабы не вызвать панику и решить спокойно и здесь «еврейский вопрос».

Конечно, многие подозревали, что ждет их, так как дошли слухи о том, что произошло с молдавскими евреями.

Вывезенных из Одессы всех расстреляли в Балайчуке и сбросили в силосные ямы. Погибло около 15000 евреев...

Лора поначалу была в эшелоне смерти Одесса — Сербка. Когда выгрузили из него, Лорины родители поспешили оставить ее здесь и, как бы, отбросили ее. Сами родители ее дошли до горемычного села и что с ними случилось, мы уже знаем. А маленькая Лора осталась на станции (как и некоторые

другие дети) и была подобрана матерью Валентина, Юлией Петровной, чем она очень рисковала. Еврейское дитя!..

Оказалось, что девочка не помнит имени ни отца, ни матери. Единственное, что она знала, так это свое имя и фамилию (Медведкина).

О брошенных еврейских детях вскоре немцам стало известно, и чтобы детей спасти, местные жители детей спешно отправляли в больницы, — немецкие патрули не всегда там проверяли «порядок».

В это время часть южной Украины была «подарена» Гитлером Румынии — союзнице гитлеровской Германии.

Южная часть Украины была названа Транснистрией, а город Одесса в честь генерала румынской армии — переименована в Антонеску, от чего ныне остались только одесские анекдоты. Румынские патрули даже не заглядывали в больницу, и маленькая Лора не была схвачена. Позже Валентин встретил медсестру, которая, рискуя, выхаживала Лору в больнице в те страшные дни. Лора, как оказалось, действительно была нездорова.

Что же ее спасло? Оказывается, румыны были менее агрессивны по отношению к

пленным. И особой расовой ненависти у них не было. Они сами недолго любили немцев, фашистов.

При румынах на территории Транснистрии была сильно развита коррупция, взяточничество. Если при фашистах-немцах вора часто расстреливали, то румын, увидев вора с краденым в мешке, например, на вокзале (цитирую профессора), «еще подсадит мешок на плечи вору и, конечно, возьмет взятку».

В общем, такая коррумпированность тоже помогла Лоре. Румыны узнали о национальной принадлежности девочки и все же не «сдали» ее властям. Мама Валентина и отчим поступили просто — они откупились: на взятку увели корову и унесли старую кровать. Зато были получены «настоящие» документы.

А до конца войны еще было далеко. И могло случиться всякое...

В 1944 году немцев изгнали с Украины. Рухнули фашистские порядки, рухнула Транснистрия.

От фашистов была освобождена станция Сербка. Валентин приехал встретиться с матерью и отчимом. Почти всю войну он ничего не знал об их судьбе (сам работал на советской стороне железнодорожником).

Застал во дворе маленькую девочку. Произошел диалог:

- Ты кто?
- Я Лора.
- Что ты тут делаешь?
- А тут мои папа и мама.
- А кто твой папа?
- Папа — Макар Емельяныч.
- А кто твоя мама?
- Мама — Юлия Петровна.
- Так ты их дочь???
- Да!

Таким образом профессор познакомился со своей сводной сестрой.

После войны нашелся настоящий брат Лоры. Он работал журналистом в Молдавии. Узнав, что Лора жива, несколько раз к ней приезжал и предлагал ей уехать к нему. Лора предпочла остаться.

Также оказалось, что у нее была сестра. Та в свою очередь так же безрезультатно пыталась ее забрать к себе (она жила в Одессе).

Таким образом, Юлия Петровна, мать Валентина, можно вполне серьезно сказать, совершила подвиг. Совесть и сострадание помогли ей спасти Лору, дитя Холокоста.

Говорят, что имя Юлии Петровны, где-то записано как имя праведницы. Валентин точно сказать не мог, так ли это.

Юлии Петровны (девичье имя Берзиня) — она сама родилась в Латвии, и лишь судьба «лишних» людей в Латвии заставила ее когда-то оставить родину и перебраться на Украину — давно уже нет на свете. Осталась память и земные дела.

Лора живет все в той же Сербке. Были мужья... «Любвеобильная», как выразился профессор. Теперь у нее Аркадий. А других Лора не признала; работающая до одурения, такого взяла и в мужья. Аркадия... Уже выросла дочь, пошел в мир внук.

Судьба Лоры, девочки из Одессы — Сербки, скрепленная людьми, смелыми и добрыми, на которых все еще держится наш мир, мир трудный и страдающий. Дитя Холокоста...

ОНА МНЕ РАССКАЗАЛА...

*Посвящается моей любимой бабушке
в память о страшной войне*

Моя бабушка, Пучкова Анфиса Сергеевна, видела войну и многое пережила. Война обрушилась на их семью, когда бабушке было только семь лет. Безжалостно обрушилась...

Бабушка жила в Белоруссии, в деревне Бисейка, в семье из семи человек. Мужчины с началом войны ушли в партизаны, а женщины остались один на один со своими бедами. Началась эвакуация. Все, что смогли, забрали с собой: одежду, кое-какую утварь, продукты... Остальное — зарыли в землю. Но немцы оказались опытными и хитрыми: спрятанное находили, уничтожали или забирали себе.

Бежавшие из деревни скрывались на белорусских болотах, где и продержались почти год. Но потом постепенно стали возвращаться на пепелища. Бабушкина семья переехала в другую деревню. Отец устроился управляющим дома некоего «пана». Позже этот «пан» из деревни уехал, оставив все на попечение управляющего: дом, скотину, землю.

«Панский» дом немцы не трогали. Приходили туда поесть, брали молоко, яйца... И к ночи убирались. Страшно боялись партизан.

Остальным семьям, где в основном были женщины, дети да старики, приходилось туго. Однажды всем приказали зайти в свои дома (или то, что от них еще оставалось с момента прихода немцев). Дома закрыли, облили керосином и вместе со всем живым сожгли.

К сожалению, многие уже забывают или «вдруг» забывают, что таким образом фашисты уничтожили многие города и села Белоруссии, да и не только. Она лежала в руинах. Удалось спасти только то, что отстояли партизаны или отбили у отступающих немцев советские войска. Многие немецкие дивизии и гарнизоны попали в ловушку. С одной стороны оказались болота и леса, с другой — партизаны, не дававшие немцам ходу. Бабушка рассказывает, что «тогда всех их, немцев, и перебили».

В те дни погиб и партизан Лукашенко. Его жена осталась одна, безутешно оплакивавшая своего мужа, похороненного на опушке леса.

Белорусы и сегодня передают друг другу не то легенду, не то достоверный сказ, что мальчик, которого держит на руках человек в скульптурной группе в Хатыни — это маленький Лукашенко, сын того партизана, нынешний президент Беларуси. Так ли оно, бабушка не знает.

В жестокой борьбе против гитлеровцев в плену оказался дед моей бабушки. Из плена он так никогда и не вернулся. А ждали его долго...

И скольких еще не дождались?!

RĪGAS CENTRA KRIEVU PRIVĀTĢIMNĀZIJA

Основана др. ист. наук Анной Моховой в 1995 г.

Приглашает в 8-12 классы

Рижская частная гимназия "Центр" — это:

- высокое качество преподавания;
- индивидуальный подход с прогнозированием будущей профессии;
- психологический комфорт для родителей и учащихся.

Гимназия лицензирована и аккредитована и готовит к поступлению в ЛУ, а также имеет связи с российскими вузами.

Направления: экономическое, иностранные языки, юридическое. Имеются бесплатные кружки. Возможность пройти практику на предприятии. Выдается сертификат.

Плата за обучение — от 30 Ls, зависит от данных аттестата и собеседования. Отличникам — бесплатно.

Ждем Вас по адресу:

Кр. Валдемара 113, 1 эт., LV-1013 Рига

Тел.: 7372082, т. моб.: 9405541

Администратор: 7284456 (в нерабочее время)

Проезд трол. № 3, 17, 14, трамв.: 11

Эти книги в магазинах не продаются!

ДЕ-Страфорд. Любимец секретных служб и женщин? Роман-загадка. /Капитан Сидней Рейли/. 2001.

Книга палачей. 1996.

V.Šteinbergs. Čarlzs Skots no Latvijas. Romans. A.Zveinieks. Vēži. 1995.

Портянки 41-45 годов. 2002. /Рассказы учеников 12-го класса школы “Центр”/.

Литература о людях и животных:

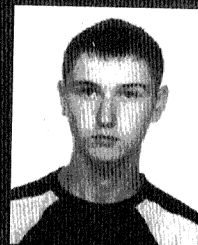
ДЕ-Страфорд. Собачьи разговоры. 1994.

Собачьи истории Валентина Штейнберга. 2002.

Заинтересованных просим звонить:

Тел. 7407293; 7768185.

Изд. “Budiņa”

Здравствуй, век XXI! 5 с.

Юлия Тиханенок

Мои герои 7 с.

Диана Шевцова

Ее глазами 30 с.

Роман Ясько

Дитя Холокоста 33 с.

Кристина Пучкова

Она мне рассказала..... 40 с.

"Budiņa"